

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1888.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1889.

72. Краткій очеркъ исторіи Забайкалья отъ древнѣйшихъ временъ до 1762 г. Составилъ В. К. Андріевичъ. Спб. 1887 г. 237 стр. 8^о.

Приступая къ составленію своего труда, авторъ, по собственному своему признанію, «имѣлъ цѣлью представить сборникъ матеріаловъ для исторіи забайкальскаго казачьяго войска»; но какъ дѣятельность забайкальскихъ казаковъ тѣсно связана съ гражданскимъ устройствомъ и колонизаціею забайкальскаго края вообще, то настоящее пособіе, предположенное авторомъ собственно для составленія исторіи забайкальскихъ казаковъ, заключаетъ въ себѣ много данныхъ, пригодныхъ и къ составленію общей исторіи забайкальскаго края.

Нельзя не пожалѣть однако, что Забайкалье такъ поздно нашло въ лицѣ г. Андріевича кропотливаго труженика для собиранія матеріаловъ по своей исторіи. Извѣстно, что Иркутскій пожаръ 1879 года уничтожилъ зданіе архива Главнаго Управленія Восточной Сибири, а вмѣстѣ съ нимъ погибли и всѣ официальные документы, которые могли бы обстоятельно охарактеризовать жизнь забайкальской области; селенгинскій и кяхтинскій архивы пересланы нынѣ въ Москву, а нерчинскій исчезъ, послѣдствіе отсутствія заботы о немъ. При такихъ условіяхъ г. Андріевичъ, составлявшій свой трудъ въ Восточной Сибири, естественно не могъ воспользоваться никакими официальными документами, кромѣ Полнаго Собранія Свода Законовъ 1838 года, изъ котораго онъ выбралъ и сгруппировалъ во единое цѣлое почти всѣ указы, относящіеся до забайкальской области. Въ этомъ должно поставить главную заслугу г. Андріевича. Помимо сего матеріаломъ для его работы послужило «Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 г.», составленное Бантышъ-Каменскимъ и изданное въ 1882 г. В. М. Флоринскимъ. Изъ этого сочиненія г. Андріевичъ извлекъ также не мало пригодныхъ ему данныхъ. Такое указаніе матеріаловъ должно уже въ значительной степени охарактеризовать трудъ автора. Не представляя никакихъ новыхъ изслѣдовацій онъ является пособіемъ для составленія исторіи Забайкалья, — конспектомъ, который облегчитъ трудъ будущаго составителя исторіи этого края.

Нельзя однако не поставить въ упрекъ автору, что вовсе не знакомый съ восточными историками и исторіею востока, онъ тѣмъ не менѣ началъ писать исторію Забайкалья съ древнѣйшихъ временъ. Такія заявленія, какъ то, что «извѣстія о ламахъ и Далай ламѣ появляются впервые при Каукъ-ханѣ, внукѣ Чингисовомъ», — тогда какъ Гуюкъ-ханъ скончался въ 1248 году, а первый Далай лама никоимъ образомъ не могъ существовать ранѣе

кончины Цзонхавы, т. е. 1420 года, — должны только унижать общее значение труда г. Андріевича. Тоже можно сказать и объ его разборъ причинъ перехода бурятъ въ русское подданство, обстоятельствахъ перебѣга монголовъ въ предѣлы Россіи и проч.

А. П.

73. Принципы жизни Китая. Сочиненіе Сергѣя Георгіевскаго. Спб. 1888. XXI + 494 + XVI стр. 8^о.

Въ европейской литературѣ по синологіи трудъ г. Георгіевскаго является единственною книгою, въ которой выяснены коренныя основы, послужившія фундаментомъ для жизни Небесной Имперіи въ длинномъ рядѣ вѣковъ ея историческаго существованія. Этими основами авторъ считаетъ сыновнее благочестіе (*pietas erga parentes*), обусловливаемое двумя требованіями, совершенно различными и по существу ихъ, и по времени послѣдовательности ихъ господства въ массѣ китайскаго народа, — требованіемъ примитивной религіи во 1-хъ, и конфуціанской этики во 2-хъ.

Подробно разсмотрѣвъ въ первой главѣ своего труда примитивное вѣрованіе древнихъ китайцевъ въ продолжаемость существованія души за гробомъ и ихъ похоронные обряды, авторъ въ главахъ второй и третьей весьма обстоятельно излагаетъ сущность и формы китайскаго культа предковъ, выражающагося въ храмовомъ служеніи послѣднимъ, а затѣмъ въ главахъ четвертой и пятой, указываетъ, какимъ образомъ культомъ предковъ и требованіями сыновняго благочестія обусловливалась личная, семейная и общественная жизнь древняго китайца. Въ главѣ шестой авторъ прослѣдилъ генезисъ самобытно-китайскаго политеизма и выяснилъ, какимъ образомъ этотъ послѣдній постепенно затемнялъ, запыралъ культъ предковъ и умалялъ его значеніе въ массѣ народа. Въ седьмой главѣ авторъ разсмотрѣлъ развитіе древней китайской философіи и показалъ, какъ эта послѣдняя разрушала примитивную вѣру въ продолжаемость существованія души за гробомъ и сводила этическія нормы жизни къ положеніямъ вульгарнаго стоицизма и низкопробнаго эпикуреизма. «Если бы», говоритъ авторъ, «проникнутое стоицизмомъ ученіе (Лао-цзы) и проповѣдующая эпикуреизмъ доктрина (Янь-чжу) были, за отсутствіемъ болѣе жизненныхъ руководящихъ указаній, усвоены китайцами для практическаго примѣненія, то Китай, несомнѣнно, давно испыталъ-бы на себѣ судьбу древняго Египта, Ассирии-Вавилоніи, Греціи или Рима. Но Китай и понынѣ существуетъ какъ великая нація, существуетъ потому, что онъ избѣжалъ Сциллы стоицизма и Харибды эпикуреизма. Своимъ спасеніемъ онъ обязанъ конфуціанству». По-